

ИВАНЪ ЛАПОТНИКЪ.

СКАЗКА.

«Слава—те Господи! вотъ и лыкъ надраль!» молвиль Иванъ Лапотникъ вошедши въ избенку свою, которая стояла на краю села и сама, какъ облупленная липка, безъ двора, безъ плетня, безъ забора, да чуть ли и не безъ кровли. Иванъ Лапотникъ былъ убогъ и голъ: бываль когда—то хлѣбецъ, да градъ побилъ, раннимъ снѣгомъ придавило, дождями поваляло — а тамъ еще и мха напала; послѣднюю краюху самъ сѣль, а сѣмянъ на посѣвъ и не осталось ни зерна. Былатаки когда—то и скотинка, да падежъ поваляль, волки порѣзали, калмыки украли да въ сухомятку поѣли — а послѣднюю яловку прикащикъ, за подушное, со двора согналъ. Прикащикъ этотъ говорилъ такъ: «не подой козы, молока не дастъ; не выстриги овцы, она шерсти не дастъ; хоть и сама, лѣта краснаго дождавшись, станеть походя ронять ее клочками, а уже на дворъ

къ тебѣ ее не принесеть.» И таки не—гдѣ правды дѣвать: надѣ Иваномъ Лапотникомъ сбылось тоже: поколѣ было у него что, такъ бывало все только холится, да почесывается; бывало коли въ ворота кто по вечеру стукнетъ, такъ не слѣзая съ печи, жену посылаетъ: поди отопри; а какъ только облупили его кругомъ, что липку, такъ пошелъ и онъ лупить, драть лыку, да плести лапотки, и сдѣлался человѣкъ—источникъ и художникъ на ремесло, котораго прежде и въ глаза не видаль и въ рукахъ не держаль. Бывало двойные лапотки съ поднарядцемъ свахляеть, такъ—что твои чеботы строченые! И перебивается нашъ Иванъ себѣ съ ломтя на ломоть, и кормиль и себя и старуху свою.

«Слава—те Господи,» молвилъ онъ, кинувъ беремя лыкъ на поль, «вотъ и лыкъ надраль! Старуха, да что же ты стоишь, словно въ гости пришла, не поглядишь, не порадуешься? говори: слава Богу, хозяинъ лыкъ надраль!»

Хозяйка его была старуха богомольная, знала Святцы не хуже дьячка иного, и, при

всей бѣдности своей, Пасхи безъ кулича, а Масляны безъ блиновъ не проводила: въ среду Средокрестной недѣли пекла изъ постнаго, сдобнаго тѣста кресты; а уже коли не было мучицы ни крупинки, такъ хаживала печь ихъ къ сосѣдкамъ; тожъ и четвертковую соль не позабывала пережигать съ квасною гущею; а кутью готовила не только въ Рождественскій сочельникъ, но и въ одну изъ великихъ субботъ; а въ память Феодора Тирона всегда варила колево, сирѣчь, кутью пшеничную. Она, старуха, на этотъ разъ, когда стариkъ пришелъ домой съ лыками, готовила, разжившись съ легкой руки, законные поминки сорока мученикамъ, которымъ празднують, какъ известно, 9-го Марта. Старуха катала сдобное тѣсто на конопляномъ маслѣ, выгадывала да выкраивала изъ него 40 жаворонковъ, и пестрила ихъ ключемъ, наперсткомъ, не то гребнемъ — ужъ не тѣмъ гребнемъ, что въ банѣ космы расчесываютъ, а тѣмъ, что лень чешутъ. Ей было не до старика, старухѣ, а онъ тутъ привязался съ лыками.

«Отойди, старый,» молвила она, «надраль, такъ надраль; такъ садись ступай, да плети лапти, да неси на базарь, припасай копейку на Святую: надо сандалу купить, да шафрану, да инбирю.»

Старикъ проворчалъ что–то про себя, а самъ таки принялся за кочадыкъ. Старуха все возилась съ жаворонками: катала, мѣсила, пестрила, сажала, наконецъ вынула ихъ — слава Богу! не подгорѣли жаворонки, дошли, доспѣли, зарумянились, и поглядѣть, такъ лакомо, хоть заразъ по мученикамъ поминки твори!

«Старикъ! а старикъ! что же ты, знай сидишь да сопиши, лапти свои ковыряешь, а сюда не глянешь? Слава—те Господи, я съ жаворонками—то управилась! виши какіе!»

— Некогда, — отвѣчалъ старикъ; — а я тѣмъ часомъ лапоть сплель и подъемъ совершиль, и концы схорониль; — скажи—ка ты: слава—те Господи, лапоть поспѣль. —

«Ну, поспѣль, такъ поспѣль, такъ берись за другой.» — Примусь я и за другой, — молвиль старикъ, — да ты скажи сперва Господу Богу спасибо и за этотъ;

скажи же по моему: слава—те Господи, лапоть поспѣль! —

Старуха зартачилась. «Плети,» говорить, «ты знай свое, а я свое.» Старика взяла досада; съ чего старуха моя задурила? — Аль ты, — говорить, — отъ крестной силы отреклась, что не хочешь Бога помянуть за насущное пропитаніе наше? И пришелъ я давича такъ не хотѣла слава Богу вымолвить, и работу покончилъ, тоже да тоже! Старуха! промолви: слава Богу, коли не хочешь, чтобы я разсерчалъ на тебя! —

«Отвяжись ты отъ меня!» сказала старуха. — Коли такъ, — молвиль мужикъ, — вотъ тебѣ кресть, и образъ еще сыму пожалуй, не примусь я за работу, поколѣ не скажешь ты, чего хочу: — и закинулъ лапоть подъ лавку, колодку подъ кутникъ, кочадыкъ на полати.

И пошла война у старика со старухой: крикъ, шумъ,ссора, споры. «Берись, старый хрѣнъ за работу!» — Говори, старая карга, слава Богу, лапоть поспѣль! — «Нѣть, не хочу; поспѣль, такъ поспѣль,

такъ берись, знай, за другой; объ одномъ лаптѣ ходить не станешь.» — Ну, не скажешь слава Богу, не берусь за работу, хоть и ты треснешь, и самъ я издохну голодомъ. Скажешь, чтоли? — «Нѣть, не скажу.» Старикъ, за словомъ, протянулъ руку, поймалъ бабу свою за волосы — и на что, скажите, бабы эти подъ платкомъ, подъ повязкою, космы отращиваютъ? — поймаль старуху за косы: «у тебя,» говорить, «волосъ дологъ, да умъ коротокъ — говори: слава Богу!»

Старуха наша была и подъ старость таки голосистаго десятка; а бывало въ молодыя лѣта, какъ упреть руки въ боки, глаза въ потолоки — такъ хоть святыхъ вонъ понеси; а грѣшникамъ, живымъ, такъ и вовсе житья нѣть: бѣги очертя голову! Бывало любое стадо гусей перекричить; изъ конца села въ конецъ съ кумой да со свахой здоровается, да еще и не больно шибко кричить; а на этотъ разъ, по первому земному поклону, который нехотя она положила, когда сожитель потянулъ ее и пригнуль за косы — взвизгнула и залилась

соловиными перекатами, такъ, что всѣ
сосѣди, шабры, какъ говорять въ
понизовыхъ земляхъ нашихъ, сбѣжались на
шумъ и крикъ; тутъ пришелъ и
прикащикъ; — пришла, неужели дѣло безъ
нея обойдется? — пришла, прибѣжала и
прикащица, бойкая бабенка, изъ дворовыхъ
дѣвокъ, что выдана была бариномъ за
прикащика, и приданое тожъ, сказываютъ,
пошло съ нею отъ барина же. — Старикивъ
розняли, допросили: и шумъ и крикъ и
драка о томъ, что хозяйка не хочетъ
поблагодарить Бога за то, что у мужа
работа съ рукъ идетъ! Принялись сосѣди
соромить старуху — куда! и приступу нѣть:
заговорить любова, забросаетъ рѣчами,
чуть съ ногъ не сшибеть. И принялся
усовѣщивать ее самъ прикащикъ, великий и
словоохотный краснобай, который былъ
четверти на полторы выше люду
мірскова, сиживалъ прежде съ крючкомъ за
стойкою, ходиль нынѣ въ полутонкомъ
кафтанѣ, подпоясывался сыромятнымъ
ремнемъ съ пряжкою, на которомъ всегда
висѣлъ огромный нутреной ключъ отъ

амбара. «Оба луки, оба туги,» сказалъ онъ избоченившиесь, «оба круты, оба глупы; оба упрямы; въ рукахъ не бывали! А ты не знаешь, Евстигнѣевна, что ты раба его, ребро его, а онъ повелитель твой; помнишь ли ты, что подъ вѣнцомъ тебѣ отецъ говорилъ? Аль дурью голову позасорило, да путное повытрясло изъ нея вовсе? Упрямая овца волку корысть; а тебя, Евстигнѣевна, сатана на расправу потянеть! Велико, вишь, дѣло, молвить: слава—те Господи, стариkъ лапотки сплель! Аль и подлинно ты отъ креста святаго отреклася?»

— Чего вамъ отъ меня, окаянные? — залилась Евстигнѣевна, собирая волосы, да повязывая платокъ свой, — чего вамъ? Отвяжитесь собаки, не скажу ничего; не скажу ему: слава Богу, скажу: чортъ унеси душу его. —

Такъ говорила старуха наша, и говорила еще хуже этого. Какъ тутъ быть? Прикащикъ, наслышавшиесь довольно отъ барина своего, что примѣръ самый благой самоучитель — а баринъ, никакъ, помниль наставленіе это еще съ тѣхъ поръ, какъ

писаль его въ школѣ по прописи, при чемъ его и палями кормили и на песокъ ставили, — вѣрный прикащикъ, слышавъ отъ барина каждый день, что примѣръ соблазняеть, примѣръ наставляеть, обратился ни мало не медля къ дражайшей половинѣ своей, къ ребру своему, и молвиль: «Вотъ Евстигнѣвна, и Бога гнѣвишь, и противъ мужа грѣшишь, и людямъ досаждашь, а все изъ-за пустяковъ такихъ, что слушается, да невѣрится! Погоди, не шуми, не метайся, слушай, что я говорю: вотъ тебѣ хозяйка моя, для ради примѣра и доброго приклада, скажетъ напередъ, а ты скажи за нею слѣдомъ: слава Богу, мужикъ лапотки покончилъ — да и Богъ съ вами, и грядите съ миромъ. Скажи же, Аннушка, для ради доброго примѣра, скажи: слава—те Господи, мужикъ лапотки сплелъ!»

— Это въ какую стать? — спросила Аннушка сожителя своего, — а я ей что за батрачка? Да по мнѣ, пусть бы они себѣ очи повыдирали; хоть бы вѣкъ ее, старую вѣдьму, чортъ за космы таскалъ, такъ я и

слова не вымолвлю! Что она мнѣ, своя что ли? Да чортъ ихъ возьми, прости Господи! —

Прикащикъ ну Аннушку свою уговаривать, упрашивать, приказывать, а та и пуще на дыбы: дошло и туть также до ссоры, до брани, до слезъ и чуть ли и не до рукотворного увѣщенія.

Тѣмъ часомъ старуха Евстигнѣвна и сама уперлась на свое: хоть ты ей зубы дергай! Да еще къ тому наговорила тебѣ всякой всячины съ три короба, и кучу негодныхъ рѣчей; напустилась ужъ не то что на старика, а на всѣхъ. Взяли ее міряне, да обще со старикомъ, съ Иваномъ Лапотникомъ, повели къ сельскому батюшкѣ. «Пусть» говорять «отецъ Панкратій разсудить и разбереть васъ, и промежъ собой и съ Богомъ, пусть усовѣстить и эпитимью наложить на старуху, какъ самъ знаеть, уже теперь не наше дѣло, не мірское.»

Отецъ Панкратій сталъ увѣщевать старуху нашу, сталъ толковать ей, что она повинна мужа слушаться, сталъ говорить ей

о мукахъ кромъшныхъ и о наказаніи Божескомъ. «Ежели» говориль онъ, «дѣтище твое на тя руку свою подыметь, то нечестивая рука эта костлявыми перстами выростеть изъ могилы его; а буде жена востанеть на мужа, хотя словомъ единымъ, языкъ закоснѣть у нея, либо сухота нападеть; а на томъ свѣтѣ еще предстоять муки неизчислимые, неописанные! Что прикащикова Аннушка не захотѣла тебѣ, Евстигнѣевна—свѣтѣ, примѣра показать, а послѣдовала твоему, такъ и это равно не годится и грѣхъ ей не менѣе твоего. Строптиваго Богъ караетъ. Пойдемъ къ матушкѣ, — а гдѣ матушка, дѣти? — Пойдемъ къ ней, она покажеть вамъ примѣръ. И что стоитъ вымолвить: слава тебѣ Господи! Славою возносить, славословить Господа подобаетъ во всякое время, во всякий часъ, и всякимъ помышленіемъ своимъ. Слава не нужна Господу, намъ нужна слава Господня! — А гдѣ матушка, дѣти?»

— Матушка взяла вашу шляпу, батюшка, вашу новую, пуховою шляпу, — отвѣчали

дѣти, — да пошла съ нею въ сарай, не то на сѣнникъ. —

«Что такое это» проворчалъ батюшка, «ужъ за чѣмъ матушка опять носится со шляпою моей? Этого—то я и не люблю; коли овесь мѣрять либо пересыпать, такъ можно бы кажись, коли нѣть гарнца, взять покрайности старую, поярковую шляпу — а это что опять такое?..» и пошелъ, со всѣмъ причтомъ, искать по двору, по сараймъ, матушки; и стариkъ за нимъ, и старуха за нимъ, и мірской народъ, что привель дурней старыхъ, всѣ — всѣ за нимъ.

А матушка въ это время дѣлала вотъ что: она подсыпала изъ новой хозяйствкой, батюшкиной шляпы, куръ своихъ; отсчитывая ничеть яицъ, клала ихъ бережненько въ шляпу, и высыпала, не трогая руками, на гнѣздо, и сажала курицу. Дѣло это дѣлается въ тихомолку: оно глазу боится; и когда добрая хозяйка подсыпаетъ да сажаетъ куръ своихъ, такъ этого никому въ домѣ и вѣдать не для—чего, и знать не надо. А тутъ пришелъ батюшка, да еще и старуха, да и стариkъ съ карими, темными,

цыганскими очами..... Матушка попадья выскочила съ сердцемъ изъ сарайчика, разсыпала и побила яйцы въ батюшкіной пуховой шляпѣ, всполошила курицу, которая было уже и усѣлась, а теперь подняла крикъ, закудахтала на все село, и матушка встрѣтила батюшку вопросомъ: «А вамъ чего тутъ надобно, вы чего здѣсь не видали?» Батюшка, смекнувъ теперь дѣломъ и разгадавъ загадку, не сталъ уже допытываться и доискиваться шляпы своей и обѣщалъ сей же часъ уйти и не мѣшать матушкѣ, коли она только скажеть имъ скорешенько, не переводя духу: слава Богу, у мужика лапотки поспѣли!

Какъ приняла предложеніе это матушка—попадья, этого чай, не нужно и сказывать: она думала, что батюшка начисто ряхнулся, такъ плохо улучиль, принаровилъ онъ время, такъ не впопадъ заставилъ матушку сказать: слава Богу, лапоть поспѣль! Матушкѣ попадѣ точно было не до того: и бѣдный отецъ Панкратій, сколько ни толковаль, сколько ни уговариваль, ни просиль, не только что

самъ не добился никакого толку, но едва только безъ грѣха отошель отъ матушки, которая давно уже не гнѣвалась на батюшку такъ, какъ сегодня. Да и было за что, нечего сказать: ряхнулся стариkъ — привязался, ни дай ни возьми, а вынь да положь, скажи да скажи: слава Богу, лапоть поспѣль!

Да и что же мнѣ водить снисходительного читателя моего какъ старца—слѣпца, съ камешка на камень, какъ красную дѣвицу съ кладки на кладку, чтобы ей въ грязи подолу не подмочить; скажу да и отрѣжу, ужъ одинъ конецъ присказкѣ моей: и стариkъ со старухой, и Аннушка съ прикащикомъ, и батюшка съ матушкой, всѣ перессорились за тоже словечко, всѣ пришли подъ вечеръ во дворъ къ барину, который вышелъ мирить ихъ и подать благое наставлениe. Тутъ и мірской народъ столкнулся, и бабы сбились въ кучу, и дворня въ пестредевыхъ юпчонкахъ, да въ сѣрыхъ суконныхъ курткахъ, всѣ пришли почесаться да позубоскалить. Гдѣссора, гдѣ судъ, гдѣ драка, гдѣ покойникъ, гдѣ

свадьба, гдѣ расправа, — туда народъ валомъ валить, черезъ тынъ лѣзеть, заборы разбираеть, кровли ломаеть, какъ будто, прости Господи, тутъ на показъ для нихъ штуки выкидывають; идите въ балаганъ къ скоморохамъ, коли есть три пятака въ карманѣ, а коли нѣтъ, такъ поглядите—ка сами на себя!

И такъ, пришли всѣ они къ барину на дворъ, и баринъ ихъ судиль, рядиль, разнималь, — «для чего не сказать: слава Богу, у мужика лапоть поспѣль! — Что за великое дѣло, и что за шумъ люди подняли! да жена моя, барыня ваша, скажеть вамъ не запнувшись, не заикнувшись двадцать пять разъ сряду въ одинъ духъ: слава Богу! у мужика лапоть поспѣль! Ну, скажи же ты душенька» обратился онъ къ плотной супругѣ своей, которая только что вышла на крыльцо подъ навѣсь послушать, о чемъ идетъ толкъ и безтолочь, «скажи имъ: слава Богу, лапоть поспѣль, да и наплюй имъ дуракамъ всѣмъ въ глаза!...» А душенька на это ему: — Вотъ дуру нашелъ — и сама, плонуть плонула, а

сказать не сказала ничего, повернулась да и ушла въ свои покои....

Я сказалъ уже, что полміра собралось на дворѣ господскому, слушать судъ и рядъ по уголовному дѣлу, гдѣ баба не хотѣла сказать спасибо за то, что у мужика работа съ рукъ идетъ, перессорилась сама съ мужемъ и перессорила вотъ уже третію чету — прикащица съ Аннушкой, батюшку съ попадьей, да барина съ барыней. На отказъ этой, сказать: слава Богу, толпа глумно осклабила уста свои и барину стало досадно, ущемило его за живое; покинулъ онъ судъ и рядъ, пошелъ слѣдомъ за барыней, сталъ упрашиватъ ее, скажи да скажи, пожалуйста скажи, сдѣлай милость скажи, хоть мнѣ одному да скажи; сталъ гнѣваться и попрекать со дня на день и перебраниваться и побранился съ нею совсѣмъ, а она, какъ уперлась себѣ: не скажу, отвяжись — такъ и умерла черезъ годъ со днемъ, Богу душу отдала и не потѣшила мужа, не молвила даже и на смертномъ одрѣ своеемъ, о чёмъ супругъ ея всѣми неправдами домогался, не сказала:

слава Богу, лапоть поспѣль — и на этомъ дѣло кончилось.

Въ самомъ дѣлѣ, на этомъ бы дѣло и кончилось; барыню схоронили, баринъ потужилъ — и забылъ; поспорить и побраниться, не то кланяться да упрашивать: скажи слава Богу, у мужика лапоть поспѣль — не съ кѣмъ и не кого; такъ бы дѣло и засохло и пропало, и до насъ бы не дошло; да на бѣду у барина съ покойной барыней была и барышня, и — горькая чаша не миновала ея!

Барышня эта была — какъ и всѣ барышни — дѣвушка молоденькая, пригоженькая, умненькая: и была притомъ еще, такъ называемая *безприданница*, дѣвица, которая и безъ приданаго не засидится. И не засидѣлась: нашелся женихъ, да и не вислоухій олухъ, что нашъ братъ, а щеголекъ, молодчикъ, хватъ женишокъ, какихъ не много изъ губернскихъ городовъ въ глушь деревенскую завозять: женихъ съ брызжами, со свѣтлыми пуговочками, со цвѣтными запоночками, въ бархатномъ

жилетъ, хохоль съ зачесомъ, подъ воскомъ да подъ лоскомъ, словомъ, кладъ женишокъ, который знать съ котораго крыльца свахъ засылаютъ; который умѣть и притти, и присѣсть, и сказаться, и приголубиться. И просватали за него барышню нашу, умненькую, пригоженькую, и стариkъ отецъ спрavляль пиръ на весь міръ, и праздновали это послѣ помолвки обрученіе.

«Дай Боже,» сказалъ одинъ изъ гостей свадебныхъ, близкій сосѣдъ нашему помѣщику и старинный пріятель его, «дай Боже имъ, молодымъ нашимъ, и того и другаго и всякаго прочаго иного, а пуще всего мира и согласія, чтобы жили да поживали молодые наши, Парфентій Кузмичъ, какъ сами вы изволили жить съ покойною Василисою Андреяновною — спаси Господь душу ея — какъ изволили жить съ нею, до неблагопріятнаго случая — не тѣмъ будь помянута покойница — до несогласія, которому причина былассора старой Евстигнѣевны со старикомъ Иваномъ Лапотникомъ, дассора попады съ

батюшкою, да быстроглазой Аннушки вашей съ прикащикомъ — дай Богъ прожить имъ, молодымъ, въ мирѣ и согласіи, хоть до золотой свадьбы своей, а тамъ — что Богъ дастъ! Дай Богъ Парфентій Кузмичъ!»

— Какъ до золотой свадьбы? — закричалъ Парфентій Кузмичъ, а тамъ на старости лѣтъ побраниться, какъ я съ покойницею своею, царство ей небесное! это не годится; дочь моя не такова: это дитя примѣрное, послушное, нравъ ангельскій, око мое, зеница моя! Наденька, сердце мое! слушай: скажи-ка жениху своему, и намъ всѣмъ, слава Богу лапоть поспѣль, скажи, не стыдись, душа; покажи, что ты неупрямая, что умница. —

Надинька глянула черезъ столъ на папеньку; поалѣла и потупила очи свои: слово, которое заставляли вымолвить ее, было ей въ душѣ ненавистно: она очень помнила, какъ родители ея за это слово день за деньссорились и бралились; ей было такъ больно и грустно вспомнить это, что она рѣшилась бы вымолвить все на свѣтѣ, только не это. Этого губки ея не

прошепчутъ ни за что. А тутъ еще и весь столь, всѣ сотрапезники притихли, замолкли, ожидая рѣчи невѣсты, а тутъ еще и батюшка сталъ гнѣваться, да настаивать; а тутъ и женихъ въ куцохвостомъ гнѣдомъ кафтанѣ, подлѣ невѣсты сидя, сталъ упрашивать неотступно, привязчиво, настоятельно — скажи да скажи, коли любишь, такъ скажи; бѣдная Надинька въ слезы, въ плачь, изъ за стола бѣгомъ въ свои покои, да и склонилась въ постель и забилась подъ подушки.

«Скажи, коли любишь меня,» умоляль хватъ голосистый невѣstu свою, не давая ей ни отдыху, ни покою, «если любишь, скажи!» — Не проси меня обѣ этомъ, коли любишь меня, отвѣчала Надя... — глядь тутъ вмѣшились и дружки, и свахи, и посаженая, и кумы со прикумками, и сваты.... Тутъ стали заступаться тетки, да бабки; а тутъ и отецъ сталъ кричать и сердиться; а тутъ и женишокъ, золотой пѣтушокъ, масляная головка, сказалъ словечко невѣстѣ, сказалъ и нареченому тестю своему, — а женишокъ-ать, вишь

быль изъ горяченъкихъ; — сказалъ словцо — а слово не воробей, вылетить, не поймаешь; слово за слово — и кончилось на томъ, что гнѣдой кафтанчикъ, по вашему свѣтлокоричневый фракъ, и розовый бархатный жилетъ и манишка съ запонками, все это покатило съ женишкомъ домой — только запылился онъ, да помяль кудри свои, да хохоль модный въ двѣ четверти съ вершкомъ — покатиль въ губернію, отколѣ пожаловалъ, и — свадьба растроилась, на этотъ разъ не состоялась!

О бѣдная безприданница! пожалѣйте обѣ ней, подруженьки!

Вотъ теперь моя сказка вся, на этомъ дѣло кончилось, и невѣста не сказала того, чего хотѣлъ отецъ и женихъ; слезками отдѣлалась, и отреклась, и не сказала. На этомъ кончилось дѣло — кончилось здѣсь у насъ; а что будетъ, коли и читатели и слушатели наши будуть заставлять женъ и невѣсть вымолвить имъ въ угоду: слава Богу, лапоть поспѣль — что тогда будетъ, говорю — не знаю; я ни за что не поручусь; глядите, чтобы не началась также сказка про

Ивана Лапотника, опять сначала, и чтобы не протянулась на вѣки вѣчные, какъ сказка о костяномъ домѣ, либо сказка про Солдата Яшику, да спѣрую спѣрмяжску.

КАЗАКЪ ЛУГАНСКІЙ